

Антон Первушин
**ПОЧТАЛЬОН
СИНГУЛЯРНОСТИ**

Антон Первушин

**Вертячки, помадки, чушики,
или Почтальон сингулярности**

«Автор»

2010

Первушин А. И.

Вертячки, помадки, чушики, или Почтальон сингулярности /
А. И. Первушин — «Автор», 2010

2009 год. Россия. Во Владимирской области приземляется загадочный объект. В нем находится молодой русский космонавт из XXII века. Он и сам не меньшая, а гораздо большая загадка, чем его корабль. К сожалению, разгадать ее удастся слишком поздно... Впервые – полная авторская версия научно-фантастической повести Антона Первушина «Вертячки, помадки, чушики», изданной ранее под названием «Почтальон сингулярности».

© Первушин А. И., 2010

© Автор, 2010

Вертячки, помадки, чушики, или Почтальон сингулярности

Антон Первушин

1.

Утро началось с неприятного сюрприза. Из Москвы позвонил директор и сообщил – было слышно, как он тяжело дышит в трубку, – что в интернат направляется комиссия из Министерства здравоохранения с внеплановой проверкой, а это значит: надо бросить все дела, обрядить детей в «парадку», рассадить живописно по комнатам, а волонтеров изгнать за ограду, чтобы не отсвечивали.

Звонок застал Людмилу Сергеевну в переполненном маршрутном автобусе, застрявшем в пробке на выезде из Города, и она вновь почувствовала себя старой душой, которой на роду написано отвечать за проступки и ошибки других, ничего за это не получая, кроме новых проблем и расстроенных нервов.

Но делать нечего – не дожидаясь, пока «маршрутка» выберется из автомобильного затора на относительный простор пригородного шоссе, Людмила Сергеевна позвонила отцу Алексею, который числился лидером группы волонтеров, и с извинениями передала ему приказ директора, сопроводив уточняющими деталями, как то: какие именно вещи брать у кастелянши, как разделить детей, на что обратить особое внимание. Отец Алексей выслушал и заверил, что всё постарается организовать в лучшем виде — дескать, не беспокойтесь, Людмила Сергеевна, сделаем, не в первый раз.

Да уж, точно, раз был действительно не первый. Людмила Сергеевна терпеть не могла все эти проверки и комиссии, и прежде всего потому, что они пугали детей, оставляя стрессовый след дня на три, а в последнее время – из-за кризиса, что ли, или из-за очередной президентской кампании по борьбе с коррупцией? – проверки участились да еще стали сопровождаться какими-то совершенно безумными лекциями: чиновники вообразили, что в их обязанности входит непосредственное донесение свежее испеченных инструкций до работников интернатов. Никогда раньше такого не наблюдалось, а тут вдруг приспичило. Смысла в этом не было никакого, инструкции выглядели малокомпетентным бредом, но и отвертеться не получалось. Впрочем, Руфь Моисеевна из Госэпидемстанции, подруга Людмилы Сергеевны, уверяла, что у них творится примерно то же самое, а значит, это было проявлением не отдельного «голововкружения», а общей политикой нашего развеселого государства.

Еще одна внеплановая проверка ничего не добавляла, однако Людмилу Сергеевну мучили нехорошие предчувствия. Поэтому по дороге она сделала дополнительно пять звонков, подняв завхоза, охрану, нянечек, дворника и столовую.

К моменту ее приезда интернат уже напоминал пчелиный улей, взбудораженный злонамеренным вторжением, но выучка у сотрудников была на высоте, и «потёмкиншен дорфе», как называла подобные мероприятия сама Людмила Сергеевна, подхватив забавное немецкое словосочетание от одного из своих институтских преподавателей, организовывалась быстро, в ритме вальса.

Только один человек игнорировал коловращение жизни. Это был, конечно, Вовчик — стажер, направленный факультетом на летнюю практику. Как обычно, он сидел в кабинете Людмилы Сергеевны, пил растворимый кофе и листал очередной глянцевоый журнал. Как обычно, он позабыл поздороваться.

— Людмила Сергеевна, — радушно сказал Вовчик, — а вы знаете, что пишет мировая пресса по вопросу перспектив лечения синдрома Дауна?

— Здравствуйте, Владимир, — сказала Людмила Сергеевна, проходя к своему столу и первым делом включая компьютер. — Вам заняться нечем? Так я займу. У нас, между прочим, внеплановая проверка.

— Вы узко мыслите, Людмила Сергеевна! — безапелляционно заявил Вовчик. — Что значит какая-то проверка в сравнении с прогрессом? Просто тьфу и растереть! Вы только вдумайтесь! Британские ученые сделали шлем, который воздействует на мозг пациента электрическими микроразрядами и корректирует таким способом психический процесс. С его помощью можно будет лечить болезнь Альцгеймера, синдром Дауна и многое другое!

— Избавьте меня от антинаучных подробностей, Владимир! — резко отозвалась Людмила Сергеевна. — Что бы там ни сделали британские ученые, а вы сейчас встанете и проверите туалетные комнаты на этажах. Внесите свой вклад в прогресс!

— Эх, — вздохнул Вовчик с самым укоризненным видом и добавил, не удержался: — Людмила Сергеевна, вы же еще совсем молодая женщина. Тридцать восемь — разве возраст? А уже встаете на пути у прогрессивной молодежи...

Вовчик был нахал. Вовчик был невыносим. Вовчик никогда не забывал напомнить Людмиле Сергеевне, сколько ей стукнуло. Людмила Сергеевна не потерпела бы такого сотрудника и пары дней, но его прислали на стажировку не просто так, его прислали по мажорной линии, намекнув, что от успешного итога зависит очередной транш спонсорской помощи, а за очередную помощь Людмила Сергеевна могла продать родного отца... если бы, конечно, знала текущие координаты последнего. Однако малолетку следовало построить.

— Владимир! — Людмила Сергеевна повысила голос. — Неужели мне нужно повторять? Встал и пошел в туалеты!

— Меня уже нет, — Вовчик обезоруживающе улыбнулся. — Ужурчал.

Стажер ушел, а потом всё завертелось. Грянули звонки по трем телефонам сразу, набегали нянечки и волонтеры, началась ра-бо-та. На кухне пригорела овсянка, чёрт ее побери, посудомоечная машина третий день стоит и течет, чёрт ее побери совсем, Петрович в запое, этому сам чёрт не брат, набор бумажных цветов для яслей оказался китайским и бракованным, шведскую железную дорогу, подарок спонсоров, Артемка с Игоряшей окончательно доломали, и теперь она имеет непрезентабельный вид, так выбросьте ее к чертям, спонсоры новую пришлют — и так далее, и тому подобное... В привычной суматохе Людмила Сергеевна даже не заметила, как в интернате появились посторонние, то есть министр со свитой.

Вообще-то до сего дня министр здравоохранения ни разу не посещал ее интернат, но Людмила Сергеевна, конечно же, узнала это круглое простоватое лицо зажиточного крестьянина, мелькавшее периодически в телевизоре.

Министр был вежлив и предупредителен, раздавал рукопожатия и источал улыбки — вообще вёл себя не как назначенный член правительства, а как кандидат в депутаты в период предвыборной кампании. Помимо свиты из двоих безымянных референтов и четверых безликих охранников, министра сопровождали отец Алексей, сменивший ради такого случая потертые джинсы на отутюженную рясу, главврач Наталья, завхоз Слава и кастелянша Алевтина. В сопровождающие затесался и бездельник Вовчик, что было вполне предсказуемо.

Людмила Сергеевна сделала усилие, чтобы вернуться в реальность. Ей, конечно, пришла в голову мысль, что сопровождающие, за исключением Вовчика, вполне натасканы и могли бы ответить на любые вопросы министра, но она тут же прогнала ее — министр заслуживал, чтобы персональную экскурсию проводил директор, а уж если директора нет, то как минимум заместитель.

Маршрут стандартный: ясли, игровая, учебные комнаты, компьютерный класс, столовая, оранжерея, спортивный зал. Лекция тоже стандартная: Людмила Сергеевна рассказывала о

том, как создавался интернат, о современных европейских методиках, взятых на вооружение врачами и педагогами, об успехах воспитанников интерната, о спонсорской помощи, о планах по расширению здания и улучшению качества жизни детей. Кстати, дети на этот раз вели себя более чем прилично: хором здоровались, не галдели, и даже Артемка не визжал по своей привычке, а изображал пай-мальчика в слюнявчике.

Министр заскучал еще в игровой комнате, рассеянно кивал, даже зевнул, смущенно, как девушка, прикрывшись ладонью, потом его отвлекли звонком на мобильник и стало ясно, что министр прибыл сюда для «галочки», выполняет некую формальную процедуру и мало заинтересован в том, чтобы вникать в нужды интерната. Министр и сам подтвердил крепнущее подозрение, глубокомысленно произнеся: «Мда, вижу, у вас всё хорошо» — и как-то сразу затопившись. Людмила Сергеевна тем не менее попыталась улучшить минутку, чтобы изложить ему свои просьбы, и предложила спуститься в столовую, опробовать полдник, однако министр твердо отклонил предложение и чуть ли не бегом отправился на выход.

Сотрудники интерната проводили его до машины и не скрывали разочарования, когда министр уехал. Людмила Сергеевна, напротив, вздохнула с облегчением — дополнительного финансирования в период кризиса вряд ли дождешься, а вот наделать лишних проблем чиновники могут, им это привычно и даже доставляет удовольствие. Слышали такое понятие — «административный восторг»? То-то!..

Людмила Сергеевна поднялась к себе в кабинет, открыла дверь и в изумлении замерла на пороге. Потому что ее место за рабочим столом оказалось занято, и, увидев, кто там сидит, Людмила Сергеевна поняла, что визит министра был первым неприятным сюрпризом этого дня, но отнюдь не последним.

2.

— Проходите, э-э-э... Людмила Сергеевна, — гостеприимно предложил незванный визитер, занявший ее кресло. — Нам есть о чем поговорить.

Людмила Сергеевна узнала его сразу: один из безымянных референтов министра. У него было узкое «кошачье» лицо, особенности которого подчеркивали старомодные, но аккуратные бакенбарды — такое лицо запоминается с первого взгляда и навсегда. Одет референт был в строгий костюм офисного работника, но сидел этот костюм на нем так, что сразу становилось ясно: это вам не ширпотреб из магазина готового платья, его ваял дорогой кутюрье из модных, причем по персональной мерке — такие костюмы у нас могут позволить себе носить «в присутствии» должностные лица не ниже вице-губернатора.

Людмила Сергеевна вошла и прикрыла за собой дверь, теряясь в догадках, о чем сейчас пойдет речь. Впрочем, ничего хорошего она от «поговорить» не ожидала — ведь визитер даже не удосужился приподняться при ее появлении: либо манерам не обучен, либо демонстрирует превосходство перед серьезным наездом — и скорее, второе, чем первое.

— Моя фамилия Архангельский, — представился визитер. — Михаил Архангельский. Я генерал-лейтенант.

Людмила Сергеевна изумилась еще больше. Вот на кого совсем не походил референт министра, так это на генерала — уж на военных она в свое время насмотрелась, ее отец был военным моряком. Наверное, Архангельский уловил ее скепсис, а потому сразу поправился:

— На самом деле, Людмила Сергеевна, я человек сугубо гражданский. Звание мне присвоили совсем недавно, вне существующего регламента и только с одной целью — для обособления статуса внутри иерархии. Мне, видите ли, подчинены определенные люди, ресурсы, и мое звание дает мне возможность командовать... э-э-э... определенными подразделениями...

— Хорошо, господин Архангельский, — без малейшей приязни сказала Людмила Сергеевна; не дождавшись, когда визитер освободит ее кресло, она присела на место отсутствующего

щего Вовчика. — Вы гражданский генерал. Мне это понятно и в общем-то безразлично. Меня больше занимает другое: что вы здесь делаете?

Тут она заметила, что Архангельский ее не слушает. Он опустил взгляд и с выражением крайней сосредоточенности на узком лице рассматривал пачку платежей за месяц, скопившуюся у Людмилы Сергеевны на столе.

— Специализированный психоневрологический интернат для детей с синдромом Дауна, — прочитал Архангельский после небольшой заминки. — Имени кого? — спросил он неожиданно, чуть повысив голос.

— В каком смысле? — опешила Людмила Сергеевна.

— Ну обычно подобным учреждениям присваивают какие-нибудь имена. Скажем, храм во имя Святого Георгия Победоносца. Военная академия воздушно-космической обороны имени маршала Жукова. Интернат имени... э-э-э... Преподобного Сергия. Но можно присваивать и более современные, более знаковые имена. Например, интернат имени действующего президента или действующего премьер-министра. Как вы относитесь к такой идее? Это ведь наверняка способствовало бы финансированию и разным... э-э-э... преференциям?

Людмила Сергеевна мысленно выругалась.

Чёрт тебя побери! Да ты, сука, никак на идеологию меня проверяешь?! Как в старые времена?.. Реставраторы хреновы! Роялисты совковые! Комсомольцы, бр-р-р! Зачем вам идеологическая лояльность-то? Вы ж за двадцать лет внятной идеологии так и не придумали. Вся ваша так называемая идеология только и сводится к заброшенному либералами лозунгу «Обогащайтесь!». Да и какая может быть идеология у людей без идеалов, без стыда, без совести?..

Людмиле Сергеевне очень хотелось выставить гражданского генерала за дверь, но она остро понимала, что, скорее, выставят ее. Посему предпочла осторожный ответ:

— Государство обеспечивает интернат всем необходимым. Есть у нас и богатые спонсоры из числа российских промышленников, из благотворительных фондов. Мы ни в чем не нуждаемся.

Архангельский скептически хмыкнул.

— Ну-ну, — сказал он, откинувшись на спинку кресла. — А вот скажите мне, уважаемая Людмила Сергеевна, ведь дети, которые у вас живут и воспитываются — это ведь всё дети, от которых... э-э-э... отказались родители?

Новая тема, заданная Архангельским, казалась более безопасной, но Людмила Сергеевна уже поняла, что с гражданским генералом надо держать ухо востро.

— Да, у нас специализированный интернат, то есть на полном обеспечении государства. Понимаете, господин Архангельский, дети с синдромом Дауна появляются на свет чаще всего у женщин, которым за сорок. А если женщине за сорок, то это в большинстве случаев нежелательная беременность, ребенку придется расти в неблагополучной семье. Потому матери, когда узнают о синдроме, отказываются от прав.

Архангельский покивал. И задал новый вопрос:

— А как вы считаете, уважаемая Людмила Сергеевна, а нужно ли нам сохранять... э-э-э... жизнь этим детям? Ведь если матери от них отказались? А тут такой расход сил и средств...

Людмилу Сергеевну словно ожгло изнутри, мир покачнулся, и она ухватилась за подлокотник.

Они не сделают этого! Нет, они не сделают этого! Мы же цивилизованная страна, чёрт побери! Нас же осудят и эмбаргами закидают. А у них же у всех счета за границы, не посмеют... Чёрт, а если они втихую и через нас? Чтобы потом свалить, если всплывет? Чёрт, чёрт, чёрт! Не зря слухи ходили, ой не зря. Не зря Слава трепался под хмельком. Прокачивали они эту мысль, сволочи поганые, дарвинисты доморощенные. Всегда сначала прокачивают, общественное мнение замеряют, а потом всё равно делают по-своему. Думаете, я молчать буду

в тряпочку? Думаете, позволю вам?... Фиг вам, а не мои дети, ясно?! От мертвого осла уши, ясно? Никому не отдам, ясно?

– Я вас не понимаю, – заявила Людмила Сергеевна звенящим от плохо скрываемой ненависти голосом. – Эвтаназия – это бесчеловечно. Мы ведь не изуверы? Не фашисты? Кроме того, синдром Дауна – это всего лишь незначительное генетическое отклонение. В легких случаях оно почти не мешает ни развитию, ни самореализации. При правильной организации воспитательного процесса дети с синдромом Дауна становятся полноценными личностями. Некоторые из них поступают в университеты, между прочим. И заканчивают. Из них получаются превосходные актеры. Слышали о Паскале Дюкене? А о Пабло Пинеда?... Да, у нас в России есть пока проблемы. Дети с синдромом Дауна умирают чаще, чем в Европе или Штатах. Методику полноценной реабилитации мы только осваиваем. Действует программа «Маленькие ступени», одобренная и рекомендованная для внедрения Минобразования. Еще мы работаем с родителями. Эти дети как никакие другие нуждаются в родительской опеке. Тогда они здоровее и способнее к обучению, доказанный факт. При поддержке правительства Московской области запущен проект «Блистающий мир»...

Людмила Сергеевна снова сбилась и остановилась, потому что заметила: Архангельский со скучающим видом пропускает ее слова мимо ушей. Ей стало по-настоящему страшно.

Неужели всё решено? Чёрт, чёрт, чёрт! Но только через мой труп, слышите?! Только через мой труп!

– Очень интересно, – сказал Архангельский с неким оттенком одобрения в голосе. – Сразу видно, что вы разбираетесь в вопросе. Впрочем, если бы было иначе, то я здесь не сидел бы. Ответьте, пожалуйста, еще на один вопрос. Он будет личного характера, и я заранее извиняюсь, если задену ваши чувства. Вы трижды были замужем. Почему у вас нет детей?

Так ты и в мое личное дело залез, поганец?! И не постеснялся ведь признаться! Вот, значит, как? Может, и в белье мое заглянешь? Может, тебе рассказать, с кем я спала и сплю?..

Тут Людмила Сергеевна поняла, что ее снова понесло и уже заносит, и мысленно вlepила себе пощечину. Хватит, дура набитая! Хватит бабской истерики. Тут анализ нужен, а не бред больной души. Этот Архангельский появился здесь не для того, чтобы испытывать тебя на прочность и проверять на лояльность – да и кому может быть интересно, насколько ты прочна и лояльна? Здесь что-то другое, совсем другое...

– Я не могу иметь детей по медицинским показаниям, – сообщила Людмила Сергеевна сухо. – Хотя вас это совершенно не касается.

– Разумеется, не касается, – легко согласился Архангельский и примирительно улыбнулся. – Но объяснение получено. И мне важно было знать. А то всякое бывает. Всякие... э-э... извращения...

Он не закончил фразу, а Людмила Сергеевна предпочла промолчать.

– Теперь перейдем к делу, – объявил гражданский генерал, и его голос зазвенел торжественно. – Уважаемая Людмила Сергеевна, мы призываем вас на военную службу. Вы нужны России!

Людмила Сергеевна была так ошарашена – в который уже раз за этот короткий диалог – что снова взъерилась:

– Вы шутки пришли сюда шутить? Может, хватит? Мне работать, между прочим, надо! Архангельский согнал улыбку с лица.

– Никаких шуток. У меня есть соответствующий документ. За подписью самого... э-э-э... министра обороны...

– Я не военнообязанная! – выпалила Людмила Сергеевна.

В голове у нее всё перепуталось, и билась одна только пустая мысль: «Эге, Людка, доигралась ты на старости лет!»

– В ситуации чрезвычайной и... э-э-э... экстраординарной... все мы становимся военнo-обязанными, – сказал Архангельский с непонятной интонацией. – А вы специалист, должны понимать.

– У нас что – война? – спросила Людмила Сергеевна резко.

– Пока еще нет, – ответил Архангельский. – И в наших с вами силах ее предотвратить.

Людмила Сергеевна почувствовала, что теряет связь с реальностью. Всё это было так... странно... и опасно...

– Прекратите говорить загадками, – потребовала она. – Или выметайтесь! Шуточек больше не потерплю.

– Какие уж тут шутки, – Архангельский тяжело вздохнул. – Всё очень серьезно, драгоценная Людмила Сергеевна. Но я не могу объясняться иначе. Речь идет о государственной тайне самого высокого уровня. И пока вы не подпишете соответствующий документ, мне придется говорить... э-э-э... обиняками.

– Не хочу знать никаких государственных тайн! – заявила Людмила Сергеевна. – Вам ясно? Поищите себе другого военнообязанного.

Ей очень хотелось добавить, куда Архангельский может засунуть свой «соответствующий документ», но она сдержалась – если гражданский генерал столь влиятелен, как на это намекает, он способен наделать проблем в будущем, скотина.

– Что ж, Людмила Сергеевна, – сказал Архангельский, глядя в сторону, – очень жаль, что у вас отсутствует чувство долга перед Родиной. Впрочем, сейчас это распространенное явление. Почему-то свободу у нас понимают как наличие прав при полном отсутствии обязательств. Понятие долга... э-э-э... девальвировано до уровня плинтуса. Даже если речь идет о деньгах... Ну хорошо, Родину вы спасти не желаете. А что скажете по поводу детей? У вас есть шанс спасти ребенка, который находится в трудном положении. В очень трудном. По-прежнему откажетесь, Людмила Сергеевна?

Он знал, чем ее зацепить, поганец! Как говорится, удар ниже пояса. Но отказаться она не могла. Какая всё-таки хитрая мразь этот Архангельский!.. Артемка, Игоряша, маленькие мои, как вы тут без меня?..

– Подробности будут? – спросила Людмила Сергеевна потерянно.

Гражданский генерал снова улыбался. С видом победителя.

– Только после того, как вы подпишете все необходимые документы...

– Давайте ваши бумажки. Но можно я сначала Ирине позвоню? Она у нас главная по воспитанию, отдыхает сейчас в Партените, это Крым. Придется ей прервать отпуск...

3.

Архангельский дал на сборы пятнадцать минут. Заверил, что на «месте» есть всё, что нужно для жизни, а остальное привезут по первому требованию.

Людмиле Сергеевне понадобилось куда меньше времени. Она открыла сейф и извлекла на свет малый дорожный набор, заранее упакованный в плечевую кожаную сумку: базовый парфюм, маникюрный комплект, шампунь, кусок мыла, зубная паста и щетка к ней, купальник, пара сменного белья, дешевое вафельное полотенце, прокладки. Вроде, всё. Теперь выключить компьютер, платежки спрятать в сейф, побросать канцелярию в ящики стола. Ну что, кабинет мой, до свидания, надеюсь, скоро увидимся!..

Окна в микроавтобусе были тонированы до абсолютной непрозрачности, водитель отделен шторкой, поэтому Людмила Сергеевна так и не узнала, куда ее привезли. По ощущениям ехали быстро, по времени – два часа. Поэтому решила, что «место» находится где-то под Москвой: или в области, или восточнее, в одном из исторических центров. Ей даже не дали перевести дух напоследок – в конце пути микроавтобус въехал в подземный гараж.

– Прошу вас, – дверцу открыл сам Архангельский, учтиво предложил руку, от которой Людмила Сергеевна отмахнулась.

– Ну, показывайте свою тюрьму, – сказала она ворчливо.

– Это вовсе не тюрьма.

Гражданский генерал подошел к массивной стальной двери, у которой столбом стоял скусающий охранник в строгом костюме. Нажал на притопленную кнопку, после чего дверь плавно и бесшумно отъехала в сторону, а за ней обнаружилась обширная кабина грузового лифта.

– Как-то у вас всё это легкомысленно выглядит, – язвительно заметила Людмила Сергеевна, входя в лифт. – А где лазерные детекторы сетчатки? Где сенсорные панели и секретные коды?

– Поменьше смотрите голливудское кино, – миролюбиво посоветовал Архангельский. – Для надежной охраны электронные... э-э-э... устройства не нужны. Наоборот, они действуют расслабляюще на сотрудников. Те начинают наплеватьски относиться к делу, совершают глупые ошибки...

– Но какие-то системы охраны у вас всё-таки есть?

Архангельский многозначительно промолчал.

Лифт спускался недолго – Людмила Сергеевна не успела сосчитать до пяти, как он уже остановился, и пришлось выходить в длинный скучный коридор с белыми стенами и светло-зеленым ковролином. У самого потолка висели миниатюрные камеры видеонаблюдения. Под прицелом их темных объективов Людмила Сергеевна невольно поежилась: ненавижу эти чёртовы штуки!

– Идемте, – поторопил Архангельский, аккуратно подхватывая Людмилу Сергеевну под локоть. – Я покажу вам жилой блок.

Поворот налево, какие-то двери без табличек, поворот направо, еще какие-то двери, и они попали в просторное круглое помещение, по обстановке напоминающее холл гостиницы среднего класса. В холле стояли диваны и журнальные столики офисного типа, чахлое мандариновое дерево в кашпо. Сюда сходились шесть коротких радиальных коридоров, заканчивающихся новыми дверями.

– Здесь вы будете жить, – объявил гражданский генерал.

– Где? – Людмила Сергеевна в растерянности огляделась.

– Выбирайте любую из комнат, – Архангельский помахал рукой. – Они все одинаково... э-э-э... комфортабельны и подготовлены для гостей.

– Я буду здесь жить одна? – не поверила Людмила Сергеевна.

– Да, – подтвердил гражданский генерал, не моргнув глазом. – Скажу вам больше, любезная Людмила Сергеевна. Пока вы находитесь здесь, вам запрещено вступать в контакты с кем-либо. Мобильная связь заблокирована. Сетевой... э-э-э... трафик контролируется специальной программой и службой охраны. Вы не можете вести переписку, писать на форумы или в социальные сети. Обслуживающий персонал соответствующим образом проинструктирован. Извините, но таковы правила пребывания здесь.

Людмила Сергеевна уже успела привыкнуть к сюрпризам, но эта новость вновь ее смутила. Почему-то она полагала, что вся секретность ограничится подпиской о неразглашении и временным запретом на заграничные поездки. Людмиле Сергеевне очень захотелось высказать язвительное предположение, как в итоге расправляются здесь с работниками, завершившими выполнение сверхсекретного задания, но по выражению лица Архангельского она поняла, что сейчас тот не воспримет иронию, и если давить, то чего доброго подтвердит самые худшие опасения.

Поэтому Людмила Сергеевна позволила себе только одну ворчливую реплику: «Не тюрьма, значит, говорите?» – и с независимым видом пошла по радиальному коридорчику к двери с цифрой три.

– Я вас подожду здесь, – предупредил Архангельский. – У вас двадцать минут. Переоденьтесь в спецодежду и пойдем смотреть вашего... э-э-э... пациента.

Людмила Сергеевна захлопнула за собой дверь и минуту постояла, прижавшись к ней спиной. Подышала глубоко, пытаясь собраться с мыслями. Вытащила мобильник, убедилась, что сигнал отсутствует.

«Вот ведь сволочь! – подумала она о гражданском генерале. – Разбаловались, блин! Привыкли, что отказа им нигде нет. Будто им на роду написано, что они могут правила сочинять и нам навязывать. Думаете, на вас управы не найдется? Ничего, скоро с Кирой познакомишься – посмотрю я на тебя, генерал!»

Отдышавшись, она осмотрелась. Комната как комната. Стандартный для наших широт полулюкс на двоих: большая кровать, два кресла, тумбочки, телевизор на стойке, холодильник, стенной шкаф, совмещенный санузел с душевой кабинкой. Не было одного и, наверное, самого главного – окна. Его здесь заменяла большая репродукция картины Шишкина «Утро в сосновом лесу». Еще одна глупость несусветная! Лучше бы наклеили фотообои с видами Чёрного моря, а смотреть на опостылевшее медвежье семейство не было ни малейшего желания: тот еще символ современной российской государственности!

На застеленной кровати лежала одежда. Людмила Сергеевна сбросила дорожную сумку и развернула пакет. Женский медицинский костюм: белый укороченный халат с центральной застежкой на пуговицах и отделкой по воротнику, манжетам и карманам, хлопчатобумажные голубенькие брюки на резинке – тот, кто выбирал этот комплект, ориентировался на сериалы типа «Скорая помощь». Людмила Сергеевна давно не носила медицинской формы и подумала, что будет, наверное, выглядеть глупо. Но размер был подобран идеально и, переодевшись и одернув халат, она оценила результат: вроде, неплохо, на твердую четверку. Только фонендоскопа на шею для полного счастья не хватает – многих, говорят, возбуждает...

Спецодежда настраивала на деловой лад. Злость угасла, панические мыслишки попрятались. Людмила Сергеевна тщательно вымыла руки, похмурилась на себя в зеркале и вернулась в круглый холл, где ее поджидал Архангельский.

– Вы превосходно выглядите, – сообщил он.

– Если это комплимент, – сказала Людмила Сергеевна, – то неуклюжий. Не будем терять время...

Им пришлось вернуться к лифту и спуститься еще на пару этажей вниз. Сооружение всё больше напоминало бункер, построенный на случай ядерной войны. Людмила Сергеевна тяжело вздохнула, думая о том, что и в дурном сне ей не могло привидеться подобное место – ярко выраженная клаустрофобия не проявлялась, но потолок всё равно чуть давил.

Новый коридор почти не отличался от коридора жилого блока, но имел много ответвлений, а на стены здесь была нанесена незнакомая маркировка – разноцветные линии и аббревиатуры: «МЭБ», «КБОР», «ФХЛ», «ОСН» и «ММХ». Архангельский шел впереди, уверенно сворачивая где надо, и наблюдательная Людмила Сергеевна быстро сообразила, что он придерживается синей линии. Наконец коридор закончился массивной стальной дверью, на которой синими буквами было написано: «КБОР». Здесь стоял цифровой замок, и возникла небольшая заминка – Архангельский набирал код.

– Прошу, – сказал гражданский генерал, открывая дверь и пропуская Людмилу Сергеевну вперед.

Она вошла и остановилась в изумлении на пороге. Перед ней открылся зал размером с крытый хоккейный стадион, только без трибун для болельщиков. Потолок здесь был необычайно высок, и в полумраке на самой верхотуре угадывались какие-то решетчатые конструк-

ции, с них на длинных шнурах свисали прожекторы, ориентированные так, чтобы их лучи сходились в центре зала. В круге света стояла клетка – куб, сваренный из толстых металлических прутьев и сразу притягивающий внимание. Внутри куба находился человек.

Это сюрреалистическое зрелище: огромный зал, свет прожекторов и клетка с человеком внутри – вызвало у Людмилы Сергеевны четкую ассоциацию. Она уже видела нечто подобное. Но не наяву, а в кино. «Молчание ягнят», конечно же! Клетка для зловещего маньяка-людоеда – доктора Лектора. Специально она не выбирала этот фильм, не любила триллеры, но как-то включила первый канал и поразилась: выходной вечер, прайм-тайм, и в полный рост показывают весьма откровенную киноленту с извращениями и расчлененкой – а как же дети?! Поэтому, наверное, и запомнилось...

Видя замешательство Людмилы Сергеевны, Архангельский сказал, будто извинялся:

– Предпринятые меры... э-э-э... безопасности, быть может, покажутся излишними. Но когда вы узнаете суть, то поймете, что в этом деле нет ничего лишнего.

Людмила Сергеевна пропустила его слова мимо ушей. Медленно двинулась вперед. Заметил ее и сидящий в клетке. Точнее, он не сидел, а полулежал на достаточно просторной тахте. Но при виде гостей встал на ноги, выпрямился и прижался к прутьям.

Это был сравнительно молодой человек – лет двадцати пяти. С хорошо развитой мускулатурой, идеальной фигурой и чистой кожей. Длинные золотистые выющиеся волосы копной спадали на плечи. Пропорции совершенного тела ничто не скрадывало, поскольку одет он был лишь в белые пляжные шорты. Молодой человек был прекрасен. Как бог. Как Аполлон...

Людмила Сергеевна шла к нему, не веря своим глазам. Даже расфуфыренные голливудские актеры не бывают... такими...

Молодой человек вдруг протянул к ней руки сквозь решетку.

– Мама? – спросил он недоверчиво, а потом без перехода радостно провозгласил: – Мама!

Людмила Сергеевна остановилась, словно налетев на невидимое препятствие. Остро запахло кислыми щами...

4.

...В молодости она была совсем дурехой. Дура дурой. Даже стыдно вспоминать.

И была абсолютно уверена, что у нее будет четверо детей, не меньше. Лет с пяти была уверена – как начала соображать, откуда они берутся.

Пример перед глазами. У прабабки по материнской линии было аж двенадцать детей! Правда, до зрелого возраста дожила лишь половина из них. У бабки – пятеро! Вот мать «подкачала», ограничившись двумя, – но она стала уже городской жительницей, бросив родовой поселок под Кирсановым и уехав учиться в Ярославль; потом выскочила замуж за молодого военного моряка, и жизнь ее превратилась в череду переездов и многомесячных «кукований», как она сама называла тягучие периоды, когда крейсер отца уходил в очередной дальний поход, тут не до большой оравы детей.

Но Людочка знала: у нее всё будет по-другому – милый интеллигентный муж, квартира в Питере и большая-большая семья.

Не сбылось. Потому что дура. Потому что спешила. А поспешишь, как известно, людей насмешишь. Впрочем, тут было не до смеха.

Залетела она – кто бы мог подумать? – с первого же раза. В четырнадцать, блин, лет. Дело было в пионерском лагере имени Терешковой на южном побережье Финского залива, неподалеку от курортной Нарвы-Йыесу. Предметом обожания в те дни для нее стал Максим – плечистый пионервожатый, тоже еще совсем юный, с первого курса пединститута. При этом он казался таким взрослым, таким бывалым, таким... джентльменом. Девчонки в отряде повлюблились в него сразу и ночами, лежа в кроватях, делились друг с другом впечатлениями, хва-

стались: а он на меня сегодня посмотрел, а он со мной говорил, а он сказал, что я лучше всех рисую, а он, а он... И Людочка твердо решила: вы можете трепаться сколько угодно, а он будет моим мужчиной! И добилась, дура, своего – незадолго до отъезда из лагеря, когда после песенного праздника и официальных посиделок у костра набралась храбрости и прямо ему сказала, что «хочет» – сейчас хочет, немедленно. Максим был подшофе, поэтому, видимо, и согласился. Они сбежали с детского токовища на пляж – перелезли через невысокую ограду, Максим помог перебраться, джентльмен. И там, на пляже, на песчаном склоне, в зыбком теплом сумраке белой ночи, всё и случилось. Надо сказать, что Людочке не понравился первый опыт: Максим излишне торопился, песок был как наждак, неудобно, больно и стыдно. Когда закончилось, ее мужчина быстро оделся, присел рядом и вдруг начал многословно и плаксивым голосом объяснять, что это случайность, что он и не собирался ничего такого делать, что он очень просит никому не говорить об этом, потому что будут неприятности и не только у него, но и у нее. Она не знала, что ответить, а потому молча собралась и пошла к лагерю. Влюбленность разом схлынула. Вместо гордости, на которую Людочка рассчитывала, ощущалось только тягостное недоумение: неужели это всегда так и неужели у всех так? Видеть Максима она больше не хотела, и до самого отъезда в Кронштадт не увидела – наверное, он тоже ее избегал.

Вспомнить о любовнике всё же пришлось довольно скоро. Месячные у Людочки шли лет с двенадцати, и она уже умела за ними следить и справляться. А тут впервые – задержка! И не на пару дней. Через три недели она всё поняла. Поразмышляла еще неделю и поехала в Питер – искать. Найти не составило большого труда: она знала, что Максим учился в Герцена, знала, на каком факультете и на каком курсе, остальное – дело техники. Максим не стал отпираться, сразу сообразил, чем может обернуться, боялся только, что Людочка потащит его в ЗАГС, но это как раз не входило в ее планы. Она требовала одного: разобраться с беременностью, чтобы ее не было, не было, не было! Максим взял пару дней на решение проблемы, посоветовался с приятелями и в итоге договорился с какой-то «бывшей акушеркой». Сам оплатил операцию, джентльмен чёртов... Людочке почти совсем не запомнился этот поход, не запомнила она и «акушерку». Но хорошо запомнилась квартира, где всё произошло – коммуналка на Марата с большим количеством комнат и высоченными, коричневыми от копоти потолками. Из кухни тянуло запахом кислых щей – так противно, что Людочку вырвало на пол... Едва живая она вернулась в Кронштадт, хотела принять ванну, но тут по ногам потекла кровь, и Людочка упала в обморок. Очнувшись уже в госпитале, рядом плакала мать, которая, конечно же, всё поняла.

Надо отдать матери должное: даже зная правду, она ни разу не попрекнула дочь, ни сживала ее со свету, как делают некоторые разочаровавшиеся в своих чадах родители, а для подозрительного отца, который, вот незадача, был в то время дома, придумала убедительную легенду.

Людочка, получившая столь болезненный и унижительный для самооценки опыт, твердо решила, что дети у нее, конечно, будут, но вступать в интимную связь она пока поостережется – до замужества. А поскольку план дальнейшей жизни сохранился практически в неизменном виде, то когда пришло время, она выбрала для продолжения обучения всё тот же Педагогический институт имени Герцена. Но не поступила, завалившись на сочинении. Зато прямо в приемной комиссии познакомилась с перспективным и очень интеллигентным аспирантом, за которого уже через пять месяцев выскочила замуж. Ну скажите, разве не дура? Какие еще доказательства вам нужны?

Аспиранта звали Евгений, и он считал себя гением. Некоторые основания у него для этого имелись. Он был первым в своем многочисленном деревенском роду, кто поступил в вуз, с успехом закончил его и двинулся дальше – к ослепительным высям науки. Поэтому по характеру Евгений был немного спесив. Отец не одобрил выбор дочери, при первой же встрече войдя с будущим зятем в жесткий клинч, на свадьбу не приехал и матери запретил. Из-за этого

у родителей, кстати, случился по-настоящему серьезный конфликт, который затем перерос в непрерывную череду стычек, через три года завершившуюся разводом. Свадьбу же справили у Евгения в деревне, и это была единственная свадьба в жизни Людмилы, которая сопровождалась многодневной пьянкой с соблюдением всех положенных ритуалов, включая мордобой и попытку похищения невесты.

Поскольку отец отлучил Людмилу от семьи, молодая пара поселилась в общежитии. Помимо всего прочего, девушка очень рассчитывала, что супруг подтянет ее по некоторым предметам и поможет поступить в Герцена со второго раза. Но не тут-то было. Евгений быстро убедил ее, что сейчас это не ко времени, что он не знает, где окажется завтра, что сейчас для него самое важное – защитить диссертацию, выбить себе место на кафедре и встать в очередь на квартиру, и он будет очень ей благодарен, если она выбросит эту «блажь» из головы и поможет ему преодолеть все трудности. И Людмила согласилась. Она быстро превратилась в домработницу, кормила и обстирывала мужа, устроилась в том же общежитии уборщицей, чтобы добавлять к скудной стипендии свою трудовую копейку. И никогда не жаловалась. Потому что верила – всё будет хорошо: и диссертация будет, и дети будут, и квартира будет. Чистая наивная душа! Диссертацию Евгений защитил в срок и даже должность на кафедре получил без заметных проблем, а вот с жилплощадью не заладилось – в Россию пришел капитализм, отягощенный приватизацией, и все молодые ученые были поставлены перед фактом: на «халявные» квартиры можно не рассчитывать. Из общежития их попросили, и пришлось снимать комнату на Петроградке. Цены росли не по дням, а по часам, скудной зарплаты не хватало на самые элементарные вещи. Чтобы исправить ситуацию, Людмила вписалась на две работы сразу: уборщица и вахтер. Возвращалась в семейное гнездо только под вечер, и на ведение домашнего хозяйства уже не оставалось ни времени, ни сил. Евгений раздражался, поскольку привык к ежедневному чистому белью и полноценному трехразовому питанию. Через полгода и он начал куда-то пропадать, исчезая на двое-трое суток, и Людмила заподозрила неладное. На вопросы он отвечал, что как молодой специалист собой не располагает и вынужден кататься в командировки по области за старших товарищей. А еще через два месяца объявил, что уходит навсегда. Оказалось, у него давний роман с молодой вдовой, у которой ко всем прочим достоинствам имеется большая квартира в центре. Людмила не стала устраивать из этого скандала и трагедии – ее уже начинало всерьез беспокоить, что, несмотря на многолетнюю интимную жизнь, так и не получается завести от Евгения ребенка. Ну и сам дурак! Ну и уходи к своей лахудре! Было немного обидно, что она так обманулась и потратила на этого самовлюбленного болвана последние годы молодости, но тут уж ничего не поделаешь.

Второй муж Людмилы по имени Олег был хирургом-травматологом – говорят, очень неплохим. С ним Людмила познакомилась в медицинском училище, в которое поступила сразу после развода. Решила резко поменять приоритеты и сочла, что если будет владеть начальным медицинским образованием, то это может пригодиться не только ей самой, но и ее детям. Олег читал будущим медсестрам курс по травматологии и сразу понравился Людмиле. Он был такой взрослый, импозантный и, представляете, девчонки, холостой! Людмила поднапряглась и довольно быстро вскружила ему голову. И когда Олег начал проявлять намерения, сразу объяснила, что хочет от него много-много детей. Что интересно, он тоже оказался слегка помешан на идее создания большой веселой семьи. Разумеется, не с кем попало, а с девушкой, которая может выносить и родить «качественное потомство». Еще в период знакомства он успел оценить фигуру и страстность Людмилы, но предложить пройти полноценное медицинское обследование постеснялся. Может быть, зря. Скорее всего, зря. Он попросил об этом только через год совместной жизни, когда убедился, что ни один из прогрессивных методов ускорения зачатия не помогает. Диагноз был страшен: развившееся после аборта воспаление органов малого таза оставило рубцы на фаллопиевых трубах – Людмила была стерильна, навсегда стерильна.

Когда она ознакомилась с результатами обследования, в нос вдруг ударил резкий запах кислых щей, и Людмилу вырвало. Дрянь психосоматика. Олег сразу подал на развод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.